

После недолгой встречи Белый Тигр не замышлял ничего дурного. Он не стал связывать его и запекать на когтях, равно как и совершать с ним какие-то дикие, недостойные зверей поступки.

Напротив, этот седовласый зверолод вёл себя послушно, словно большой пушистый кот. Стоило Го Цзыаню предложить еду — и Белый Тигр принимался за угощение. Стоило ему умолкнуть — и Белый Тигр послушно сидел смирно. Он выглядел совершенно иначе, чем во время драки с Красноглазым Львом.

Именно поэтому у Го Цзыаня и закралась мысль: а не прельстился ли зверолод его кулинарным искусством и не пришёл ли он просто пожрать на халяву?

Го Цзыань не стал продолжать размышления о Белом Тигре.

Всего одной ночи знакомства было слишком мало, чтобы до конца понять столь сложных существ, как зверолоды.

К тому же Го Цзыань ещё не решил окончательно, стоит ли ему съезжать отсюда.

Го Цзыань любил жить обособленно и не хотел иметь под боком такого соседа. Но с другой стороны, здешняя безопасность была неоспоримым фактом: лес полон опасностей, и если искать другое место, не факт, что оно окажется таким же надёжным.

К тому же, что, если этот сосед продолжит пропадать из дома по три дня кряду? Жить здесь или в полном одиночестве — разница невелика.

При воспоминании о тигрином хвосте, который то и дело обвивался вокруг его щиколотки, и о паре торчком стоящих тигриных ушей у Го Цзыаня начинало чесаться в груди. До чего же сильно хотелось до них дотронуться! Что с этим делать?

Подумав об этом, Го Цзыань вздохнул.

Его запас рецептов застрял на гигантском эноки и крупных личи, замену влажным салфеткам он ещё не нашёл, а приправ не хватит и на несколько дней. Столько проблем свалилось в кучу, и ни одна не решена — с какой стати тут появляться ещё одной?

Хватит думать, не надо больше думать. Го Цзыань решил пожалеть себя, просто повернулся набок и провалился в сон.

Заботы завтрашнего дня решатся завтра.

Меньше чем в десяти метрах отсюда, у самого края входа в пещеру, припал к земле зверолод.

Его белые тигриные уши торчали вертикально вверх, и он изо всех сил старался расслышать хоть звуки из палатки Го Цзыаня.

Его слух был невероятно остр: он мог услышать бег оленя за пятьсот метров, но разочарованно осознавал, что не способен уловить дыхание своего истинного пары, лежащего внутри странной черепашей панцирной раковины.

Бай Шаньцзюнь прислушивался минут пятнадцать и, убедившись, что от пары не доносится ни звука, с тяжёлым сердцем вернулся вглубь пещеры.

А ведь он надеялся послушать милое сопение своего избранника или даже бормотание во сне.

Зверолюдки-самки из их племени спали очень беспокойно: как рассказывал один семилетний детёныш белого тигра, его мать вечно пинала его во сне и вышвыривала с постели, даже не просыпаясь.

Бай Шаньцзюнь, разумеется, ужасно нервничал и во время вечерней трапезы сидел как на иголках. Лишь когда он наконец укрылся в пещере, напряжение немного отпустило.

Огорчённый тем, что ему не удалось послушать храп любимого, Бай Шаньцзюнь улёгся на трёхцветную шкуру. Но едва уловив исходивший от неё чужой запах, он почувствовал, как щеки начинают гореть.

Это... это же... запах его пары!

Его пара действительно ложился на эту шкуру. При этой мысли Бай Шаньцзюнь мгновенно пришёл в крайнее возбуждение.

Наверное, его пара заходил вглубь этой пещеры? Понравилось ли ему здесь? Ведь это жилище он устраивал собственными руками, насадил столько цветов — наверняка избранник остался доволен.

Но если ему так нравилось, почему он перебрался наружу и не остался жить здесь?

Неужели в этой пещере нашлось что-то неуютное его паре? Или всё из-за того, что сам хозяин так долго отсутствовал, и это разозлило любимого, заставив его съехать? Бай Шаньцзюнь внезапно помрачнел.

Но ведь пара не только приняла его мясо, но и поделилась им в ответ!

В их племени принятая добыча означала, что зверолюдка даёт самцу шанс, а разделенная трапеза — и вовсе знак искренней симпатии. Чем больше еды делили между собой, тем

сильнее крепла привязанность.

Вспомнив, что сегодня вечером съел пол-гигантского зайца, Бай Шаньцзюнь почувствовал, как его лицо снова заливается краской.

Ах, оказывается, его пара так сильно к нему привязан!

И сегодня ночью он будет спать там, где спал его любимый.

Очень скоро они будут засыпать вместе.

А затем у них появится множество-множество прекрасных детей.

Его пара не принадлежал к числу тех, кто способен зачать естественным путём. Чтобы обзавестись потомством, ему придётся отвезти избранника к Дедушке Дереву за плодами.

От этих мыслей Бай Шаньцзюнь заволновался ещё сильнее.

Хватит ли одной пещеры для детей? Не выкопать ли ещё пару-тройку? Сколько детей было бы в самый раз? Не станет ли шумно, если их трое? С другой стороны, одного явно мало.

Из-за переполнявшего его волнения Бай Шаньцзюнь так и не смог уснуть.

На следующее утро Го Цзыань проснулся по привычке и, выбравшись из палатки, сразу уткнулся глазами в покрытого инеем кролика — воспоминания вчерашнего вечера мгновенно вернулись к нему.

Вечером они с Большим Белым Тигром поужинали, после чего мирно разошлись по своим углам.

Го Цзыань скосил глаза в сторону пещеры.

По иронии судьбы, стоило ему повернуться, как из неё как раз выходил седовласый зверолод. Свет падал идеально, позволяя Го Цзыаню во всех подробностях рассмотреть безупречную кожу мужчины и сияющие из-под растрёпанных прядей глаза.

Го Цзыань:...

Местные зверолоды что, все такие бодрые с самого утра?

Из вежливости Го Цзыань слегка взмахнул рукой и поприветствовал его на родном языке:

— Доброе утро.

Бай Шаньцзюнь жутко нервничал. Он не смыкал глаз всю ночь, мечтая о прекрасном будущем со своим избранником, и поджидал у входа с самым рассветом, чтобы появиться в ту самую минуту, когда любимый проснётся, создав видимость случайной встречи.

Юань Цзиньюй называл это одним из способов ухаживания. Обычно самцы умели лишь караулить самок подолгу, демонстрируя своё трудолюбие, но на самом деле именно случайности сильнее всего трогали женские сердца.

Подобные совпадения заставляли самок верить в предначертанность судьбы, заставляя думать, что этот самец — посланный самим Зверьми суженый.

Услышав голос Го Цзыаня, Бай Шаньцзюнь тут же расплылся в сияющей улыбке.

Его пара приветствовал его, и сердце Бай Шаньцзюня заколотилось как безумное. Он уже собирался ответить, но вместо этого замечтался о том, сколько детей у них родится и как назовут первенца.

От этих фантазий его щеки запылали ещё ярче, а голова сама собой опустилась — ему стало стыдно смотреть в глаза второму родителю их будущих детей.

Го Цзыань едва сдерживал улыбку.

До чего же забавные существа эти зверолюды! Краснеют от простого приветствия — неужели они такие стеснительные?

Попрощавшись, Го Цзыань отправился к ручью, чтобы умыться и почистить зубы.

Заметив, что Го Цзыань уходит, Бай Шаньцзюнь немного встревожился.

Однако Юань Цзиньюй предупреждал: ни в коем случае нельзя тащиться следом за самкой по пятам, иначе та решит, что самец — какой-то ненормальный извращенец.

Бай Шаньцзюнь хоть и не понимал, почему самки с детьми готовы заставить самца находиться рядом круглые сутки, в то время как свободные самки считают такое преследование признаком помешательства, но свято верил во всё, что Юань Цзиньюй наговорил ему под угрозой кулацкой расправы.

Поэтому Бай Шаньцзюнь не стал преследовать Го Цзыня наотмашь. Он просто нашёл местечко, быстренько привёл себя в порядок, а затем стал поджидать на тропинке, по которой тот должен был вернуться к палатке.

Юань Цзиньюй говорил: обязательно покажи себя с лучшей стороны, чтобы самка захотела прижаться к твоей груди и почувствовать себя защищённой.

Закончив умываться, Го Цзынь по привычке сорвал один гриб эноки и прихватил складное ведро с водой. На обратном пути он заметил седовласого зверолюда, который держал в руках толстый кусок бамбука, раздавшегося в ширину в несколько раз.

Зверолюд бросил на него застенчиво-робкий взгляд, а затем — *хрусь!* — легко переломил эту раздавшуюся бамбуковую палку. Внутри неё обнаружилась вовсе не пустота, а мякоть, страшно похожая на сахарный тростник.

Го Цзынь:...

И вот это выражение лица сейчас... кого оно ему напоминает? Уж не тех ли бандитов, что выколачивают дань и запугивают владельцев лавок?

Го Цзынь невольно погладил гигантский эноки подмышкой, с тревожной мыслью: неужели седовласому не понравилось, что он оборвал столько грибов, и он пришёл высказать угрозы?

В следующую секунду Го Цзынь вновь перевёл взгляд на зверолюда и обомлел: тот смотрел на него с выражением невинной юной жены, слегка приоткрыв рот в застенчивой улыбке.

Го Цзынь:...

Он ещё и ухмыляется после того, как только что угрожал!

Опасаясь, что седовласый сочтёт его невоспитанным, Го Цзынь напустил на себя неловкую, но предельно вежливую улыбку.

Заметив это угодливое выражение на лице избранника, Бай Шаньцзюнь тут же заволновался.

Он понятия не имел, в чём провинился, раз любимый смотрит на него с такой фальшивой улыбкой. Самец поспешно шагнул вперед, снедаемый тревогой и полным непониманием, как всё исправить.

Увидев приближающегося зверолюда, Го Цзынь инстинктивно захотел отступить назад. Но вовремя одёрнул себя: нельзя показывать слабинку, иначе тот задавит авторитетом.

Седовласый был невероятно высок. Возвышаясь над ним со своим метром и девяноста пятью сантиметрами, он заставлял метрового семерых Го Цзыаня чувствовать себя хрупким и миниатюрным.

Го Цзыань задрал голову, ожидая, пока тот заговорит.

Пойманный под пристальный взгляд любимого, Бай Шаньцзюнь тут же мысленно унёсся в мечтах: как они идут рука об руку, обнимаются, целуются... Нет, хватит об этом!

С трудом отогнав крамольные мысли, он долго шевелил губами, прежде чем выдать из себя:

— Доссрой утро.

Это был не какой-то непонятный чужеземный диалект, а ровно те самые слова, которыми Го Цзыань поприветствовал его утром.

Такие способности к языкам просто потрясли Го Цзыаня.

Он никак не ожидал, что седовласый уловит смысл его слов. Выходило так, что за исключением языкового барьера, между ними не было никаких различий.

Их эмоции находили путь друг к другу сами собой.

Это осознание подарило Го Цзыаню совершенно новые ощущения, и настроение его заметно улучшилось.

— Доброе утро.

Заметив, что повторение чужих слов вызывает у пары улыбку, Бай Шаньцзюнь расплылся в счастливой улыбке гигантского чернокожего ребёнка (ростом в метр девяноста пять) и послушно повторил:

— Доброе утро.

На этот раз произношение вышло куда точнее.

В незнакомом мире услышать родную речь — пусть даже с чужим акцентом — было невероятно утешительно. Го Цзыаню очень нравилось, как седовласый говорит на его языке; это давало острое ощущение цивилизованности. Точно так же чувствуешь себя, когда на чужбине вдруг улавливаешь обрывки земляческого говора.

Го Цзыань шагнул в сторону палатки и бросил:

— Пошли.

— Пошли, — на сей раз Бай Шаньцзюнь повторил слово с первого раза.

Они зашагали рядом.

Го Цзыань нёс в обнимку гигантский эноки, а Бай Шаньцзюнь тащил тот самый расколотый толстый стебель.

Вернувшись в лагерь, Го Цзыань по привычке поставил греть воду и принялся за готовку завтрака.

Бай Шаньцзюнь примостился на вчерашнем камне с видом скромной невестушки. В его руке по-прежнему покоились две половинки странного тростника, а полосатый хвост обвивал щиколотку, пока он с детским любопытством наблюдал за хлопотами Го Цзыаня.

Го Цзыань был крайне доволен такой покладистостью. Столкнувшись с незнакомыми вещами, зверолод не выказывал высокомерия, не принимался критиковать чужие обычаи или уклады. Более того, он учился всему у самого Го Цзыаня, перенимая его манеру общения.

Даже среди людей современного мира далеко не каждый способен на такое, а вот этот дикий зверолод сумел.

У Го Цзыаня не было парной посуды, но вместо глубокой миски он вполне мог обойтись пиалой, а вместо ложки использовать вилку.

Бай Шаньцзюнь же не отвергал ни единого подношения. Всё, что давал Го Цзыань, он принимал беспрекословно. А то, с каким усердием он уплетал еду, доставляло Го Цзыаню истинное наслаждение.

Прожив две жизни, Го Цзыань ещё не встречал существа, с которым ему было бы настолько комфортно.

Подумав об этом, Го Цзыань указал на себя и чётко произнёс:

— Го Цзыань.

Зверолод повторил жест, ткнув пальцем в собственную грудь:

— Го Цзыань.

Го Цзыань:...

Ладно, общаться с ним и впрямь приятно, но ума у парня явно палата.

Ого, только что заметил — сто бутылок питательной жидкости! Мои очки чуть не треснули от шока. Спасибо огромное!

Спасибо маленьким ангелам, которые присылали мне багряные билеты или поливали питательной жидкостью в период с 2020-11-30 23:59:25 по 2020-12-01 23:57:34!

Спасибо маленькому ангелу по имени Синжань Яньюй за 100 бутылок!

Большое спасибо всем за поддержку, я буду стараться дальше!

Толстый сахарный тростник.

Го Цзыань покачал головой, указал на себя и произнёс:

— Я.

На этот раз зверолоуд справился с лёгкостью: повторив жест, он послушно выговорил:

— Я.

Затем Го Цзыань протянул палец в сторону зверолоуда:

— Ты.

Тот не ответил сразу. Он лишь кивнул, внимательно глядя на Го Цзыаня, словно начиная улавливать суть происходящего.

Бай Шаньцзюнь действительно понял, что Го Цзыань учит его говорить, а не просто затеял забавную игру. Разумеется, к этому следовало отнестись со всей серьёзностью.

После того как Го Цзыань повторил последовательность пару раз, зверолоуд окончательно сообразил и смог безошибочно указывать на разницу между «я» и «ты». Го Цзыань обрадовался: кто бы мог подумать, что с местным зверолоудом окажется так легко наладить контакт!

Тогда Го Цзыань решил добавить к местоимениям собственное имя. Сначала он указал на себя, а затем на собеседника:

— Я — Го Цзыань. Ты...

Бай Шаньцзюнь послушно повторил звук.

— Бэй Саньцзюй? — мысленно прикинул Го Цзыань на слух. Впрочем, он не рассчитывал с ходу уловить истинное значение имени.

Зверолюд говорил так, будто издавал звериное рычание или хриплое дыхание. Каждый слог он нарочно произносил на низких нотах, и даже в собственном имени сквозила угрожающая дикость хищника. Впервые услышав, как Бай Шаньцзюнь препирается с Красноглазым Львом, Го Цзыань принял это за разборку двух диких зверей и даже не подумал, что они общаются.

Но раз седовласый с лёгкостью копировал его собственные слова, значит, никаких проблем с голосовым аппаратом у него не было. Следовательно, всё дело было в специфике местного языка.

Бай Шаньцзюнь кивнул.

Услышать собственное имя, сорвавшееся с губ возлюбленного, — это принесло невероятное, ни с чем не сравнимое удовлетворение.

Го Цзыань несколько раз перекрутил фразу на языке, а затем, памятуя о белоснежной шевелюре собеседника, перевёл на свой лад:

— Бай Шаньцзюнь.

Зверолюд покачал головой:

— Бэй... Сань... Цзюнь.

Поразмыслив, Бай Шаньцзюнь решил, что так дело не пойдёт. Если он будет просто бездумно повторять звуки, пара лишь копирует его голос, не понимая глубокого смысла. Его собственное имя имело значение, оно не было взято с потолка.

Сначала Бай Шаньцзюнь коснулся своих волос, затем ушей и хвоста, произнеся:

— Бэй.

После этого он указал куда-то вдаль, но, сообразив, что это выглядит слишком туманно, зачерпнул пальцем немного воды и прямо на камне набросил очертания горы. Рисунок был предельно простым — почти как пиктограмма на костях оракула.

Го Цзыань догадался и кивнул:

— Гора.

Оказывается, «шань» означало гору, а не цифру три.

Общаться с Го Цзыанем оказалось на удивление легко, но со слогом «цзюнь» возникли трудности.

Сначала Бай Шаньцзюнь достал два крупных личи — один отдал Го Цзыаню, другой оставил себе. Затем выложил два мелких камешка: тоже по одному на каждого.

Увидев, что Го Цзыань по-прежнему смотрит на него с непониманием, он принялся шарить по шее в поисках более наглядного пособия.

На камне всё ещё валялся утренний тростник, и при виде его надломленных кусков у Бай Шаньцзюня родился план.

Он взял один отрезок, сцарапнул ногтем кожицу — *хрик!* — и разломил его пополам, причём один кусок вышел длинным, а другой коротким, и произнёс:

— Буй.

Затем взял второй стебель, заранее наметив ногтем черту, и переломил так, что куски получились равными по длине:

— Цзюнь.

Теперь Го Цзыань всё понял:

— Бай Шаньцзюнь.

В свою очередь, он тоже решил наглядно пояснить своё имя: «бай» — это белая ткань, «шань» — гора из камешков, а «цзюнь» он обозначил маленьким хлебцем и парочкой печений, разделив их поровну.

Пусть способы выражения отличались, смысл дошёл без сучка и задоринки. Бай Шаньцзюнь

остался очень доволен.

Он принял угощение от возлюбленного и попытался есть так же, как он.

Впервые попробовав пищу с консервантами и пищевыми добавками, Бай Шаньцзюнь изменился в лице.

Увидев его реакцию, Го Цзыань не удержался от улыбки. Еда в этом мире была настолько потрясающе натуральной, что достижения современной пищевой промышленности на её фоне казались сомнительными. Хлебушек был самым обычным, весовым из супермаркета, а печенье — дешёвым солёно-молочным крекером. Но из-за обилия химии вкусовая гамма оказалась донельзя сложной.

Бай Шаньцзюню было трудно подобрать определение тому, что он сейчас жуёт.

Маленький хлебец оказался крошечным, но стоило отправить его в рот, как он мгновенно впитал всю влагу, превратившись в нечто намертво липнущее к зубам. Вкус был так себе, а при глотании кусок едва не застревал в горле. И всё же, привыкший к вечным скитаниям в поисках пропитания, самец смутно чувствовал: эта штука насыщает куда лучше фруктов и травы. К тому же она явно долго не портилась, и если удастся найти приличный запас, о зимнем голоде можно будет не беспокоиться.

Зато солёно-молочный крекер пришёлся очень даже по вкусу: солоноватый, с лёгким молочным оттенком. Для того, кто всю жизнь питался исключительно дарами дикой природы, этот непривычный вкус подарил совершенно новые ощущения.

Повертев в руке последнее печенье, Бай Шаньцзюнь изрёк:

— Хоу сы.

— Вкусно? — Го Цзыань, кажется, начал улавливать закономерность. Местный язык подозрительно напоминал китайский, прошедший через звериную глотку: с приглушёнными тонами, без раскатистых звуков, с характерным утробным рыком.

Бай Шаньцзюнь кивнул и послушно повторил:

— Вкусно.

Го Цзыань приподнял бровь и с удивлением спросил:

— Ты что, понял, о чём я?

С именем вышла путаница, но её быстро утрясли. А вот в остальных случаях — с добрым утром или вкусной едой — Бай Шаньцзюнь реагировал на удивление естественно.

Однако самец не ответил, а лишь озадаченно уставился на него.

Го Цзыань повторил фразу, на этот раз сбавив темп. К сожалению, Бай Шаньцзюнь снова ничего не понял, а потому не стал ни кивать, ни мотать головой. Его глаза лишь цепко сканировали фигуру Го Цзыаня, силясь по языку тела уловить смысл сказанного.

Го Цзыань долго ломал голову, придумывая, как бы объяснить всё на пальцах. Только что сказанное относилось к категории отвлеченных понятий, которые не передашь жестами или предметами.

Увы, пришлось лишь досадливо покачать головой и махнуть рукой:

— Забудь.

Бай Шаньцзюнь тут же повторил жест, опушив уши от огорчения. На этот раз он уловил суть: он снова облажался.

Это он оказался слишком тупым, раз не способен постичь язык любимого.

В лесу обитало великое множество племен, и у каждого был свой наречный диалог. Раньше Бай Шаньцзюнь гордился своими языковыми способностями, искренне веря, что для него не существует преград. Кто бы мог подумать, что речь его пары окажется настолько сложной, что стоило чуть-чуть отойти от упрощений, как он переставал улавливать хоть слово.

Впрочем, дело было не в том, что Бай Шаньцзюнь вообще не понимал Го Цзыаня — он просто уловил главную цель любого общения: добиться взаимопонимания ради какой-то задачи. Пусть они пока не могли непринужденно болтать ни о чём, действовать сообща у них получалось отлично.

Самец прекрасно знал, что охота требует долгого терпения, а гармония в отношениях с парой не приходит за один день.

Он протянул надломленный тростник Го Цзыаню:

— Вкусно.

Закончив говорить, Бай Шаньцзюнь наглядно продемонстрировал, что значит крепкие зубы: как при поедании обычного тростника, он одним движением содрал зубами толстую зелёную шкуру, обнажил сахарную сердцевину, вовсю задвигал челюстями, выдавливая сок, а под конец

безмятежно проглотил даже жёсткие волокна жмыха.

Го Цзыань принял из его рук стебель девятисантиметровой толщины и замер с абсолютно растерянным выражением лица.

Он давно мечтал попробовать местный тростник, но его шкурка толщиной в полсантиметра ничем не уступала бамбуку. Его собственный перочинный ножик вряд ли справился бы с такой бронёй. Между тем тростник, надсеченный когтями Бай Шаньцзюня, имел ровный срез, будто его действительно срубили топором.

Заметив, что Го Цзыань не притронулся к угощению, самец вопросительно уставился на него.

<http://bllate.org/book/19322/1890009>